

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.12

Социальность и психологизм в польском кино рубежа 1970–1980-х гг.

Денис Георгиевич Вирен,

Государственный институт искусствознания,
Москва, Российская Федерация; e-mail: denis.viren@gmail.com

Ключевые слова: польское кино, кино морального беспокойства, Януш Киёвский, Януш Моргенштерн, Томаш Зыгадло

Sociality and Psychologism in Polish Cinema at the Turn of the 1970s–80s

Denis G. Viren,

State Institute for Art Studies,
Moscow, Russian Federation; e-mail: denis.viren@gmail.com

Keywords: Polish cinema, cinema of moral anxiety, Janusz Kijowski, Janusz Morgenstern, Tomasz Zygałdo

В начале 1981 г., в период так называемого «карнавала Солидарности», увидела свет программная статья Кшиштофа Кесьлёвского, в которой он рассуждал о текущем состоянии и дальнейшем развитии польского кинематографа: «Нужно искать способы, чтобы фильмы о проблемах стали в первую очередь фильмами о людях, чтобы [...] внешнее было рамкой, а не содержанием. В общем, мы стоим перед необходимостью смены языка, смены героев наших картин, изменения ситуаций и диалогов. То, о чем я пишу, не побег от реалистической традиции, а проблема ее развития, направление которого я мог бы коротко определить так: не широко, а глубоко, не вовне, а внутрь»¹. Режиссер, по сути, констатировал исчерпанность художественных принципов «кино морального беспокойства», к которому сам имел пря-

мое отношение, и призывал не останавливаться на достигнутом: «Теперь правды о мире (по моему мнению, остающейся основным условием) уже недостаточно. Надо искать более драматичные ситуации, делать выводы, выходящие за пределы ежедневного опыта, ставить более универсальные и мудрые диагнозы»². Вполне логично, что в недолгий период фактического отсутствия цензуры и значительной свободы СМИ у художников не было необходимости документировать «непредставленный мир»³, как это было в 1970-е гг.

Кесьлёвский, как известно, пошел по обозначенному им самим пути, его кинематограф постепенно становился все более универсально-метафизическим. Если взглянуть на творчество других польских режиссеров, окажется, что уже к концу 1970-х гг. многие отходили от социальной описательности в сторону более подробной разработки ситуаций и героев, отчасти ориентируясь на достижения мастеров «тихого» кино, таких как Станислав Ружевич («Дверь в стене» / *Drzwi w murze*, 1973) или Эдвард Жебровский («Спасение» / *Ocalenie*, 1972). Ярким примером психологического моралите стала картина Януша Заорского «Комната с видом на море» (*Pokój z widokiem na morze*, 1977). Несмотря на то что в ее основе лежит довольно типичная для «кино морального беспокойства» оппозиция мировоззренческих подходов, а мир социальных взаимоотношений прописан весьма выразительно, акцент сделан именно на внутреннем мире героев, тем более что оба они — психиатры, пытающиеся спасти человека на грани самоубийства. Разумеется, это не единственный пример, однако более подробно хотелось бы остановиться на трех лентах 1980 года — исключительного для Польши, в том числе для киноискусства, в силу исторических обстоятельств.

После фильмов «Индекс» (*Indeks*, 1977/1981) и «Кунг-фу» (*Kung-fu*, 1979), важнейших для развития «кино морального беспокойства», режиссер Януш Киёвский (кстати, автор этого термина⁴) неожиданно обратился к проблематике, далекой от общественной неустроенности. Лента «Голоса» (*Głosy*) — исследование психологического состояния героини, которую мучают странные звуки, возникающие во время ночных

кошмаров. Лечение в психиатрической больнице не дает результатов, зато вскоре после выхода оттуда она знакомится с молодым ученым: заинтересовавшись странным случаем, он в итоге сам затягивает себя в пучину безумия. Киёвский демонстративно отказывается в «Голосах» от подробностей социального фона и сосредоточивается именно на внутреннем мире персонажей, их потерянности и одиночестве.

Удивительный в своем роде образ отчуждения создает Януш Моргенштерн в фильме «Меньшее небо» (*Mniejsze niebo*) — экранизации одноименного романа⁵ Джона Уэйна, английского писателя из поколения «молодых рассерженных». Это рассказ о мужчине средних лет, который внезапно решает оставить работу, прекрасный дом, жену с детьми и поселяется в вокзальной гостинице. Мы так и не узнаем, что именно подвигло на такой поступок. «Мне надо придать своей жизни новый смысл», — признается он десятилетнему сыну. Целыми днями блуждая по перронам, герой будто пытается «подключиться» к эмоциональным ситуациям, постоянно происходящим на вокзале, но все равно остается лишь наблюдателем. В кадре неслучайно появляется книга эссе Альбера Камю, а ослепительное солнце в финале не может не напомнить «Постороннего». Режиссер выходит на уровень осмысления экзистенциального кризиса, что было совсем не типично для польского кино того периода. «...Януш Моргенштерн сделал очень оригинальный авторский фильм с совершенно иным регистром зрительского восприятия, чем все привыкли, — отмечает польский историк кино Марек Хендрыковский. — В нем не было ни политики, ни проявлений манифестированной ангажированности. Некоторые “сражающиеся” критики сочли это режиссерской уверткой»⁶.

Возможно, самой пронзительной драмой об одиночестве, снятой в те годы, стал «Ночной мотылек» (*Śta*) Томаша Зыгадло. Главный герой — радиожурналист, который в ночном эфире общается со слушателями. Они делятся с ним проблемами и радостями, признаются в любви и даже угрожают... Помогая абсолютно чужим людям, герой никак не может навести порядок в собственной жизни. В «Ночном мотылке»

и «Меньшем небе» сыграл свои лучшие роли Роман Вильгельми. Этот выдающийся актер не был «лицом морального беспокойства», как Ежи Штур или Кшиштоф Залеский. Сдержанный в проявлениях эмоций, он всегда скрывал сердечную боль, прятал внутренний разлад под печальной улыбкой. Этот тип героя заставляет вспомнить образы Олега Басилашвили в «Осеннем марафоне» (1979) Георгия Данелии, Олега Янковского в «Полетах во сне и наяву» (1982) Романа Балаяна и даже Михаила Ульянова в «Теме» (1979/1986) Глеба Панфилова, — неслучайные параллели, поскольку интонация этих советских картин поразительно близка к польскому кино тех лет.

Зыгадло, начинавший как документалист, умело соединяет в «Ночном мотыльке» поэтику неигрового кинематографа (использование аудиозаписей интервью, имитация съемки скрытой камерой) и ирреальные сцены сновидческого характера, намекающие на приближение психического расстройства героя. В финале его отправляют в санаторий. Конечно, это не больница, как в «Голосах», однако тенденция налицо... Ее апогеем станет лента, появившаяся в самом конце десятилетия, — «Все, что мое» (*Stan posiadania*, 1989) Кшиштофа Занусси. Режиссер частично возвращается здесь к проблематике «кино морального беспокойства», тем не менее в центре оказывается кризис коммуникации. Симптоматично, что этот фильм начали снимать в социалистической Польше, а выпустили на экран уже после обретения независимости — вечные общечеловеческие конфликты и проблемы, конечно, никуда не делись.

Примечания

¹ *Kieślowski K.* Głęboko zamiast szeroko // Dialog. 1981. N 1. S. 111.

² Ibid.

³ Это известное определение почерпнуто из одноименной книги Юлиуша Корнхаузера и Адама Загаевского, вышедшей в 1974 г.

⁴ См. об этом: *Вирен Д.* На подступах к исследованию «кино морального беспокойства» // Художественная культура. 2019. № 3. Т. 2. С. 204–205.

⁵ На русском языке он выходил под названием «Малое небо».

⁶ *Hendrykowski M.* Morgenstern. Poznań, 2012. S. 209.